

ВАРИАТИВНОСТЬ В ПОЛЬСКОМ СКЛОНЕНИИ

В понятие **вариативность, вариантность** (польск. **wariacyjność, wariantowość, wariatywność**) в современном языкознании могут включаться явления весьма разнородные – от функциональной разновидности языка до аллофонов, что вынуждает иногда отграничивать и терминологически вариативность языковых средств от инвариантно-вариантного устройства языковой структуры. Бесспорно, однако, что каждый уровень языка и каждый тип его функционирования в обществе может содержать в своем составе элементы, обладающие тождественными функциями и претендующие на одно и то же место в общей системе, но так или иначе различающиеся в формальном отношении. В морфологии, в частности, к ним относятся формы, выражающие один и тот же набор граммем, но различающиеся показателями – окончаниями или, например, типом основы.

Вариативность морфологических форм (и их функционирование) неизменно привлекает внимание лингвистов, которые видят в ней неотъемлемую имманентную черту каждой языковой системы и залог и реализацию ее постоянного развития. Среди этих лингвистов и В. П. Гудков, который на материале сербскохорватского языка в ряде исследований показал многоликость таких морфологических вариантов в различных аспектах – хронологическом, пространственном, стилистическом и даже личностном ([Гудков 1965; 1987; 1988; 1990 и др.]).

Современная польская морфологическая система, прежде всего словоизменение имен существительных, как и во многих других языках отмечена значительным числом вариативных форм, так или иначе нарушающих однотипность и целостность правил формообразования. Известно, что практически каждая форма в парадигме единственного числа существительных мужского рода представлена не одним, но по крайней мере двумя показателями рода, числа и падежа, в парадигме множественного числа такими особенно «невралгическими» пунктами являются формы именительного и родительного падежей, что свойственно также существительным женского и – в меньшей степени – среднего рода. Множественность формальных средств выражения идентичного грамматического содержания, состояние и характер этой вариативности находит отражение как в научных трудах, ориентированных на исследование современного польского языка или его исто-

рии, так и, в еще большей степени, в многочисленных словарях, научно-популярных справочниках и пособиях по культуре речи.

Обращение к указанной литературе убеждает, что морфологические варианты носят различный характер и занимают разное место в польской рече-языковой действительности, в частности в триаде система – норма – узус. С одной стороны, в парадигме склонения сосуществуют падежно-числовые формы, обладающие тем же грамматическим содержанием, но различающиеся окончаниями, распределение которых, как отмечали исследователи, является грамматически обусловленным ([Urbańczyk 1977]), грамматически мотивированным ([Maćzyński 1978]), системным ([Skubalanka 1986]) и охватывает все существительные данной категории. Диапазон такой регулярной вариативности трактуется довольно широко – от разграничений по морфонологическому характеру основы в местном падеже ед. ч. с окончанием *-e / -u* ([Urbańczyk 1977]; комбинаторные варианты по [Skubalanka 1978]) до оппозиций, вызванных грамматическими различиями одушевленных-неодушевленных существительных ([Skubalanka 1986]). Наличие категориальной грамматической обусловленности, как полагает С. Урбанчик, вообще выводит данные явления за пределы вариативности нормы, и нельзя с ним не согласиться. Реализуемые и в узусе, и в норме, они принадлежат системе языка ([Skubalanka 1986]), составляя компонент ее устройства и регулярных оппозиций.

Прочие типы вариативности, лишенные грамматической обусловленности, предлагается трактовать как истинные морфологические варианты нормы (С. Урбанчик). Однако различный по существу характер вариативности приводимых обычно при этом примеров позволяет выделить в формах существительных два обособленных типа собственно словоизменительной вариативности.

Первый тип представлен варьирующимися **падежными формами**, каждое вариативное окончание в которых связано с определенным кругом лексем, т. е. распределение окончаний между вариантами падежной-числовой формы мотивируется лексически. Таковы, например, варианты род. пад. ед. ч. существительных мужского рода, образуемые либо с окончанием *-a*, либо с окончанием *-u*, дат. пад. ед. ч. – с окончанием *-owi / -u*, дат. пад. мн. ч. – с окончанием *-ami / -mi*, соотношение окончаний в род. пад. мн. ч. *-ów / -i / -y* (мужской род), *-o / -i / -y* (женский и средний род) и некоторые другие. Можно даже сказать, что «формальный показатель является элементом характеристики отдельных лексем» [Maćzyński 1978: 65]. Иногда алломорфизм формы охватывает целую серию вариантов с иерархически выстроенной обусловленностью (о форме им. пад. мн. ч. см. [Skubalanka 1978]).

Второй тип – варьирование **словоформы**, оно предполагает тождество лексем, когда одно и то же существительное образует данную падежную форму с помощью различных показателей, таковы словоформы им. пад. мн. ч.: *postacie / postaci, biologowie / biologzy*, род. пад. мн. ч.: *sluchaczów / sluchaczy, kawiarni / kawiarni* и под., вариативно функционирующие и конкурирующие в текстах, т. е. собственно в узусе. Эти вариативные словоформы являются реальным воплощением алломорфности формы. Следует признать, что два указанных типа вариативности – формы и словоформы – в польской лингвистике по большей части не разграничиваются, но включаются в общее понятие параллельных форм (**obocznych** – см. [Buttler, Kurkowska, Satkiewicz 1973]) или вариантов нормы ([Urbańczyk 1977]), при этом в качестве иллюстраций используются преимущественно вариативные словоформы, или наоборот, даже при выделении типа «колебаний» (**oscylacje** см. – [Tokarski 1968]; [Skubalanka 1986]) в этой группе описываются не только вариативные словоформы (напр., Т. Skubalanka: *mieć stena – mieć brauning*). В результате такого недифференцированного подхода вне рассмотрения оказываются вариативные падежные формы (как, например, в [Encyklopedia 1999]) и их отличия от вариативных словоформ.

Особый тип морфологической вариативности свойствен словоформам тех лексем, которые сами варьируются по роду, типа *ten klusek – ta kluska, ten morg – ta morga, ten magiel – ta magiel* и т. п. Здесь параллельными и конкурирующими в узусе оказываются целые парадигмы. Оба выделенных выше типа вариантов – формы и словоформы – хотя и тесно связаны друг с другом, занимают в синхронном функционировании языка и его развитии различные позиции, они по-разному соотносимы с уровнями языковой абстракции – системой, нормой и узусом и потому требуют разного методологического подхода и описания.

Конкурирующие варианты падежных форм (и соответственно – вариативные окончания), связанные с лексическими совокупностями, сосуществуют в системе языка, но являются принадлежностью нормы, так как именно к норме языка относится распределение грамматически тождественных окончаний между теми или иными группами лексем. Необходимо отметить, что правила этого нормативного распределения нередко весьма запутанны, противоречивы и несводимы к каким бы то ни было, даже лексико-семантическим правилам, о чем неоднократно не без сокрушения пишут лингвисты (напр., о форме род. пад. мн. ч. см. [Tokarski 1973]) и что вынуждает их констатировать незаконченность языковых процессов (напр., о разграничении

окончаний *-a / -u* в род. пад. ед. ч. см. [Miodek 1991]). Несоблюдение говорящими этого принятого нормой распределения приводит к нарушению нормы, к ошибке: напр., *myszów* вместо *myszy*, *ojcowi* вместо *ojci* и т. п.

Вариативные словоформы одной и той же лексемы, конкурирующие между собой в тексте, представляют собой варианты узуса. В них говорящие используют возможности, предоставляемые системой и нормой, но регламентируются они узусом – недаром отмечается, что вариативность такого типа (факультативные варианты) наиболее присуща разговорному языку ([Skubalanka 1978]).

Заметим, что взаимные отношения в паре узуальных вариативных словоформ на определенном этапе существования литературного языка могут различаться, что проявляется в их разном соотношении с нормой. Прежде всего, только одна из варьирующихся словоформ оказывается на данном этапе нормативной, другая же, хотя и достаточно распространена в реальном употреблении, признается нарушением нормы, ошибкой (напр., *przyjacielami* вм. *przyjaciółmi*, *palcu* вм. *palców*, *kotowi* вм. *kotu* и т. п.). Возможно также, что часть этих вариативных словоформ употребляется в узусе равноправно, они признаются (нередко в силу их распространенности) нормой, что и фиксируется словарями и справочниками: им. пад. мн. ч. *postacie* или *postaci*, род. пад. ед. ч. *krawata* или *krawatu*, род. пад. мн. ч. *pokojów* или *pokoi* и т. п. Строго говоря, только эти дублетные словоформы и отвечают требованиям полной вариативности – наличию функционального и системного тождества при фонологически различных средствах выражения.

Дублетные формы сосуществуют в текстах, но едва ли они абсолютно равноправны в речи каждого говорящего, ведь при наличии колебаний выбор используемого варианта по всей вероятности определяется собственными привычками или привычками непосредственного окружения, что при нормативном равенстве дает различия в частотности употребления, и тогда в словарях для одного из двух вариантов вводится помета «редко», «реже». Обычно для языкового узуса характерно стремление уйти от дублетных форм, стремление избежать омонимии, в силу чего один из вариантов наделяется не только сравнительной частотностью, но и дополнительными функциями. Поэтому наряду с рассмотренными парами можно выделить еще и такую разновидность вариативных словоформ, когда один из признаваемых нормой вариантов словоформы нейтрален, другой же характеризуется некоторой отмеченностью. Ею может быть стилистическая окраска: слабый, вытесняемый, связанный с уходящей нормой вариант посте-

пенно может приобретать архаический оттенок (напр., *pisarzów* при нейтральном *pisarzy*, *komplimenta* при нейтральном *komplimenty*, *w boru* при нейтральном *w borze* и т. п.). Различие в употреблении словоформ может сопровождаться наличием / отсутствием экспрессивности (*chlory* при нейтральном *chlopi*, *bandyty* при нейтральном *bandyci*) или каких-либо других признаков, например, уровнем официальности или книжности (*doktorowie* при *doktorzy*). Иногда вариативные словоформы служат семантической дифференциации лексем (напр., род. пад. ед. ч. *geniuszu* – *geniusza*, им. пад. мн. ч. *przewodniki* – *przewodnicy*, *Araby* «лошади» – *Arabowie* и т. п.). Одна из словоформ может быть фразеологически связана, напр.: *do lasu* – *Jeden do Sasa, drugi do lasa*. По мнению некоторых лингвистов (напр. [Urbańczyk 1977]), указанные различия выводят такие парные словоформы – как не обладающие полной идентичностью в узусе – за пределы вариативности.

Указанные типы морфологической вариативности ставят перед лингвистами различные, хотя и взаимосвязанные проблемы, что зависит от ориентации либо на описание системы и ее процессов, либо на норму, что, в свою очередь, связано с языковой практикой (узусом) и ее оценкой. Наибольший интерес у так называемых «чистых» лингвистов вызывают, естественно, варианты формы. Много внимания уделяется их происхождению и исторической судьбе, с одной стороны, причинам и условиям их возникновения, а с другой – причинам сохранения в системе и устойчивости к унификации, в связи с чем рассматриваются как внутрисистемные, так и внеязыковые обстоятельства (см., напр. [Kempf 1960; 1965]).

Истоки морфологической вариативности восходят к эпохе становления современной системы, т. е. к XVI–XVII вв. и к более поздним периодам, за последние же полтора-два века в языке в целом установился современный набор показателей каждой падежной формы, новые процессы, по свидетельству И. Баеровой ([Bajerowa 1977]), не развиваются, и новых вариативных форм не возникает, что позволяет – при всей множественности вариативных форм – говорить о значительной стабильности установившейся системы. Причина этого усматривается в воздействии нормы, тормозящей стихийное саморазвитие и саморегулирование системы и ее оппозиций и закрепляющей, таким образом, незавершенность процессов. Вместе с тем исследования показывают, что и в XX в. происходят изменения, затрагивающие прежде всего лексическое распределение варьирующихся показателей формы, т. е. норму. На каждом конкретном этапе развития языка, при относительно стабильных окончаниях формы и при относительно устойчи-

вом нормативном распределении этих окончаний по лексическим группировкам, в текстах, т. е. в узусе, функционирует довольно значительное число пар конкурирующих словоформ, использующих оба принятых нормой показателя ([Satkiewicz 1973]). Этому промежуточному пласту присуща сравнительно быстрая (в рамках обозримого периода) изменчивость. Число вариативных словоформ может как увеличиваться, так и уменьшаться: появляются новые вариативные пары, изменяется частотность той или иной словоформы, развиваются новые функции. Там, где были колебания, одна словоформа вытесняет из обихода другую, естественным компонентом этого процесса является изменение их узуального статуса (слабая форма признается ошибочной) и – как следствие – вносятся коррективы в их нормативную оценку, а общеупотребительное становится общеобязательным. Доказательства этого содержатся в многочисленных словарях и пособиях по культуре речи, последовательно фиксирующих (и кодифицирующих) сдвиги в соотношении внутри пар вариативных словоформ ([Buttler 1986]).

Таким образом, вариативные формы и вариативные словоформы не только занимают разные позиции в соотношении норма – узус, но и выполняют разную роль в их развитии. Именно сфера вариативных словоформ, будучи наиболее подвижным компонентом узуса, предстает как плацдарм экспансии или затухания тех или других параллельных окончаний, плацдарм реализации более общих тенденций развития вариативных форм, т. е. процессов, способных преобразовать облик нормы и – как следствие – даже системы.

Типология, внешние и внутренние причины, темпы осуществления этих тенденций различны ([Krzyżanowski 2001]). Наиболее часто констатируется стремление элиминировать, удалить из употребления формы-исключения, нарушающие регулярность системных оппозиций (напр., формы с окончанием *-a* в им. пад. мн. ч., с окончанием *-i* в дат. пад. ед. ч. в существительных мужского рода), и заменить их формами с регулярными окончаниями, напр.: *dokumenty, talenty* вместо *dokumenta, talenta* и *orłowi, kotowi* вместо *orłu, kotu* (см. [Bajerowa 1980]; [Grybosiowa 1991] и др.). При конкуренции двух исторических обоснованных окончаний причину активизации одного из них связывают с тем, что оно лучше включается в общую систему оппозиций (напр., расширение ареала употребления окончания *-e* в им. пад. мн. ч. существительных женского рода так называемого склонения на согласный, что позволило бы этому окончанию стать более последовательным показателем «мягкоосновности»). Замечено, что саморегуляция системы проявляется не только в изменении лексического ареала

окончаний, но и влечет за собой «уточнение правил распределения». Именно так некоторые исследователи трактуют прогрессирующую специализацию окончания *-owie* в им. пад. мн. ч. для имен родства и имен собственных ([Satkiewicz 1973], о других трактовках этой тенденции см. [Zareba 1979]; [Buttler 1986]; [Grybosiova 1991]). Новые закономерности в распределении вариативных окончаний одной формы иногда объясняются, по мнению лингвистов, аналогичным воздействием слов со сходной морфологической структурой (напр., распространение «одушевленного» окончания *-a* в род. пад. ед. ч. на существительные неодушевленные, но обладающие суффиксами *-nik*, *-ik*, *-ak*, характерными для существительных со значением лица [Satkiewicz 1981]). Существенным признается также и бóльшая по сравнению с конкурентом фонетическая выразительность окончания (*Z. Kempf* об окончании *-owi* в дат. пад. ед. ч.), а также стремление узуса избежать омонимии ([Grybosiova 1991]). Некоторым тенденциям свойственна географическая ограниченность ([Wajerowa 1980] – о краковской склонности к архаизации). Отмечается, что темп происходящих изменений для отдельных форм (и словоформ) может быть различным, а сами тенденции – весьма противоречивыми (ср. конкуренцию окончаний *-a* и *-u* в род. пад. ед. ч., окончаний *-ów* / *-i* / *-u* в род. пад. мн. ч.). Указывается также на ряд факторов, замедляющих и тормозящих унификацию вариативных форм, на такие процессы, как то: природная исходная устойчивость языковой системы, сила традиции и языковой привычки, частотность употребления ([Satkiewicz 1981]; [Kempf 1960]), другие аналогии в системе и, наконец, жесткость нормы (*H. Satkiewicz*, *D. Buttler* и др.). Другими словами, необходимо признать, что процесс изменений в вариативности форм характеризуется сложным переплетением разнообразных факторов, в результате чего происходящие изменения оказываются непоследовательными и непредсказуемыми, а это, в свою очередь, может порождать разногласия мнений (ср. оценку изменений в употреблении окончаний мужского рода в им. пад. мн. ч. *-owie* и род. пад. мн. ч. *-ów* – *H. Satkiewicz*, *A. Grybosiova*, *B. Dunaj* и др.). Оценивая вариативность и ее развитие в целом, следует подчеркнуть, что непременной составляющей общего процесса изменений в вариативных формах, его необходимым переходным моментом является возникновение в узусе (т. е. функционирование в тексте) пар разнооформленных словоформ, конкурирующих друг с другом до тех пор, пока одна из них в конечном счете не будет признана ошибочной, а общеупотребляемость другой не станет общеобязательностью, т. е. нормой.

Совсем с иных позиций подходят к словоизменительной вариативности специалисты по культуре речи – авторы справочников и словарей, а также – что немаловажно – сами носители языка, те их представители, которые озабочены стремлением правильно говорить по-польски: для них в центре внимания оказываются параллельные вариативные словоформы и их нормативная оценка. С одной стороны, для польской лингвистики традиционно пристальное внимание к речевой ошибке во всех ее градациях (ошибка, погрешность, небрежность – см. З. Клеменевич, В. Дорошевский), стремление к их выявлению и осуждению (см. [Zdaniukiewicz 1980] – о задачах культуры речи), что иногда расценивается как излишняя «лапсология» ([Bugajski 1993]). С другой стороны, что безусловно признается всеми лингвистами, для принятия нормативной оценки той или иной словоформы (а кодифицируются в словарях правильного языка именно они) необходимо, во-первых, тщательное изучение всей истории формы, места в системе и условий функционирования, а во-вторых – учет многочисленных критериев для обоснования своих решений. Список этих критериев и их значимость в иерархии были многократно описаны ([Doroszewski 1950]; [Kurkowska 1973]; [Urbańczyk 1977]; [Gruszczyński 1981]; [Walczak 1986]; [Bugajski 1993] и др.) Однако даже ригоризм и жесткость нормы не в состоянии задержать развитие языка, что приводит к значительным расхождениям между нормативными рекомендациями и реальным живым узусом, где многие рекомендации давно уже ощущаются как архаичные ([Tokarski 1968] – об окончании *-ów* после отвердевших в род. пад. мн. ч.). Вероятно, именно поэтому в последние десятилетия XX в. все чаще если не на первое, то на видное место выдвигается критерий узуса, сам языковой обычай, степень общественного признания и распространенности данного явления, той или иной формы ([Urbańczyk 1977]; [Miodek 1991]; [Markowski 2000]). Такой подход приводит лингвистов к необходимости не только признать неотвратимость изменчивости нормы (что очевидно), но и более толерантно и снисходительно трактовать инновации, получившие широкое распространение. Вследствие этого и формулируется положение о целесообразности установления двух уровней нормы ([Kurkowska 1973]; [Satkiewicz 1981]; [Markowski 2000] и др.). Одна из них признается нормой, обязательной для официального общения, в рамках письменного литературного языка, другая же – менее строгая, практическая – допускает включение в обиходно-разговорную речь отдельных широко употребляемых словоформ, признавая за ними статус регулярных системных новообразований, хотя первой нормой они и оцениваются как ошибочные.

Изучение вариативности в языке, в том числе и словоизменительной, причин ее возникновения, тенденций развития в сложном, нередко противоречивом взаимодействии системы, нормы и узуса позволяет лучше понять весь механизм, весь аппарат процессов совершенствования языка в его устройстве и функционировании. Ценность вариантов, как это определил С. Урбанчик, не только в том, что «они определяют пути развития языка, открывают возможности стилистического разнообразия, но и устанавливают контакт между поколениями, между разными регионами страны и различными общественными группами. Благодаря им язык остается языком живым, а не предстает перед нами как нечто исчезающее или даже мертвое» [Urbańczyk 1977: 81–82].

Л и т е р а т у р а

- Гудков 1965 – *Гудков В. П.* О различиях между двумя вариантами сербскохорватского литературного языка // Советское славяноведение. 1965. № 3.
- Гудков 1968 – *Гудков В. П.* Вариантные формы творительного падежа III склонения в сербскохорватском литературном языке // Славянская филология. Вып. 7. М., 1968.
- Гудков 1987 – *Гудков В. П.* Оквири употребе наставака -а и -у у генитиву множине изменичке друге деκлинације // Наш језик. Књ. XXVII. Београд, 1987. Св. 3–4.
- Гудков 1988 – *Гудков В. П.* В поисках закономерностей морфологического варьирования в сербскохорватском литературном языке // Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 1988. № 4.
- Гудков 1990 – *Гудков В. П.* Обликоване вокатива јединице именичке I деκлинације у књижевним текстовима XX века // Наш језик. Књ. XXVIII. Београд, 1990. Св. 5.
- Bajerowa 1977 – *Bajerowa I.* Zmiany fleksyjne języka polskiego we współczesnym trzydziestolecu na tle zmian fleksyjnych języka dawniejszego (XVIII w., XIX w.) // Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego. 35. 1977.
- Bajerowa 1980 – *Bajerowa I.* Zmiany fleksyjne zaimków w XIX-wiecznej polszczyźnie // Poradnik Językowy. 1980. № 2–3.
- Bugajski 1993 – *Bugajski M.* Językoznawstwo normatywne. Warszawa, 1993.
- Bugajski 1989 – *Bugajski M.* Podstawowe zagadnienia lingwistyki normatywnej. Wrocław, 1989.
- Bugajski 1999 – *Bugajski M.* Pół wieku kultury języka w Polsce 1945–1995. Warszawa, 1999.
- Buttler 1986 – *Buttler D.* Norma realna a kodyfikacja (na przykładzie rozstrzygnięć SPP PWN) // Poradnik Językowy. 1986. № 9–10.
- Doroszewski 1950 – *Doroszewski W.* Kryteria poprawności językowej. Warszawa, 1950.
- Dunaj 1992 – *Dunaj B.* Formy mianownika liczby mnogiej rzeczowników rodzaju męskiego we współczesnej polszczyźnie literackiej // Język Polski. 1992. LXXII.
- Encyklopedia 1999 – Encyklopedia języka polskiego. Wyd. 3. Ossolineum, 1999.

Славянский вестник. Вып. 2. М.: МАКС Пресс, 2004. 608 с.

- Gruszczyński 1981 – *Gruszczyński W.* Wybór kryteriów poprawności językowej a ewolucja normy we współczesnej polszczyźnie // *Studia polonistyczne*. Poznań, 1981. IX.
- Grybosiova 1991 – *Grybosiova F.* Kilka procesów fleksyjnych w ujęciu strukturalistycznym // *Prace językoznawcze*. 19. *Studia polonistyczne*. Katowice, 1991.
- Furdal 1995 – *Furdal A.* Językoznawstwo normatywne w minionym 45-leciu // *Norma językowa w polszczyźnie*. Zielona Góra, 1995.
- Kempf 1960 – *Kempf Z.* Czy regulacja końcówek *-u, -owi* w Cel. l.p. rodzaju męskiego jest uwarunkowana prozodycznie // *Język Polski*. 1960. № 4.
- Kempf 1965 – *Kempf Z.* Dole i niedole końcówki *-mi* // *Język Polski*. 1965. № 4.
- Krzyżanowski 2001 – *Krzyżanowski P.* Fleksja // *Najnowsze dzieje języków słowiańskich*. Język polski. Opole, 2001.
- Kurkowska 1973 – *Kurkowska H.* Teoretyczne zagadnienia kultury języka // *Buttler D., Kurkowska H., Satkiewicz H.* *Kultura języka polskiego*. Warszawa, 1973.
- Lubaś 1994 – *Lubaś W.* Wariantywność kodyfikacji językowej // *Kultura języka dziś*. Poznań, 1994.
- Mączyński 1978 – *Mączyński J.* Motywacja leksykalna końcówek rzeczowników we współczesnym języku polskim // *Rozprawy KJ LTN*. 1978. T. 24.
- Miodek 1991 – *Miodek J.* Przez lata ze słowem polskim. Warszawa, 1991.
- Miodek 1972 – *Miodek J.* Ankieta poprawnościowa // *Poradnik Językowy*. 1972. № 9.
- Markowski 2000 – *Markowski A.* Nowy słownik poprawnej polszczyzny / Pod. red. A. Markowskiego. Warszawa, 2000.
- Saloni 1972 – *Saloni Z.* Tendencje rozwojowe współczesnego języka polskiego a szkolne ćwiczenia praktyczne // *Poradnik Językowy*. 1972. № 7.
- Satkiewicz 1973 – *Satkiewicz H.* Odmiana wyrazów // *Buttler D., Kurkowska H., Satkiewicz H.* *Kultura języka polskiego*. Warszawa, 1973.
- Satkiewicz 1981 – *Satkiewicz H.* Procesy wyrównawcze we współczesnej fleksji polskiej // *Studia polonistyczne*. IX. Poznań, 1981.
- Skubalanka 1978 – *Skubalanka T.* Fleksja potoczna i metody jej badania // *Studia nad składnią polszczyzny mówionej*. Warszawa, 1978.
- Skubalanka 1986 – *Skubalanka T.* Typy wariantów fleksyjnych współczesnej polszczyzny // *Poradnik Językowy*. 1986. № 9–10.
- Tokarski 1968 – *Tokarski J.* Język polski w ostatnim pięćdziesięcioleciu (1918–1968) // *Poradnik Językowy*. 1968. № 9.
- Tokarski 1973 – *Tokarski J.* Fleksja polska. Warszawa, 1973.
- Urbańczyk 1977 – *Urbańczyk S.* Hierarchia kryteriów poprawności językowej we współczesnym języku polskim // *Wariancja normy we współczesnych słowiańskich językach literackich*. Wrocław, 1977.
- Walczak 1986 – *Walczak B.* O kryteriach poprawności językowej – polemicznie // *Poradnik Językowy*. 1986. № 9–10.
- Zaręba 1979 – *Zaręba A.* Tendencje rozwojowe we współczesnym języku polskim // *Јужнословенски филолог*. XXXV. Београд, 1979.
- Zdaniukiewicz 1980 – *Zdaniukiewicz A. A.* Zasadnicze kwestie teorii kultury języka w Polsce w drugiej połowie XIX w. // *Język Polski*. 1980. № 2–3.